

УДК 32.019.52

Волошин А.И.

(г. Москва)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕКСТОСФЕРА И ГЕНЕЗИС ПОЛИТИКИ

Аннотация. В статье рассматривается соотношение концептов семиосферы, текстосферы и политической текстосферы, даётся функциональная характеристика политической текстосферы, приводится обоснование обусловленности генезиса политического компонента социального уровня психосоциальной действительности политической текстосферой, анализируются генетические функции политической текстосферы в отношении политического процесса, характеризуются возможные перспективы развития социальных исследований политических текстов. *Ключевые слова:* политическая текстосфера, политическая текстология, политико-семиотический анализ, генезис политики, семиотика, семиология.

A. Voloshin

(Moscow)

POLITICAL TEXTOSPHERE AND GENESIS OF POLITICS

Abstract. The article reveals the correlation of the following concepts: semiosphere, textosphere and political textosphere. The author provides functional characteristic of the political textosphere, as well as the justification of the fact that the political component of psychosocial being is conditioned by political textosphere. Genetic functions of political textosphere in political process are reviewed; prospects of potential development of social research of political texts are characterized.

Key words: political textosphere, political textology, political-semiotical analysis, genesis of politics, semiotics, semiology.

Появление *письменности* стало знаменательным этапом антропоге-неза, предоставив человечеству не только возможность *интерсубъектной семиотической фиксации информации* об опыте *сознательного восприятия*, но также новый способ ее *передачи* – через пространство и время. Вместе с тем грамотность на протяжении веков оставалась уделом лишь малого числа людей. Умеющий читать и писать индивид традиционно занимал высокое положение в обществе, а к создаваемому им продукту – *тексту*, как синтаксически упорядоченному и фиксированному множеству семантически значимых элементов, обладающих свойством качественной интерпретируемости, не сводимой к атомарным значениям отдельных семантически значимых элементов, была естественной сакрализация отношения. С появлением книгопечатания текст стал более массовым, однако вплоть до

рубежа XIX–XX вв. использование письменной разновидности вербальной коммуникации было характерно, скорее, для элиты общества. Появление системы массового образования, резкое повышение среднего уровня грамотности человечества, стремительное удешевление печати, а затем и появление новых технологий цифровой передачи данных, по сути освободивших текст от материального носителя, перевели количество текстов в их новое качество, заложив основу современной информационной революции.

Семиосфера, текстосфера и политическая текстосфера

Выделившаяся из *живой материи (биосферы) живая мыслящая материя (человек как носитель специфически организованной нервной ткани, способной к сознательному восприятию)* не сразу стала значимым фактором планетарного развития, и, подобно этому, усложнение *биологического восприятия (рефлексии) до психосоциального сознания (саморефлексии; самозначимого для нервной ткани человека инобытия протекающих в ней электромагнитных импульсов)*, породив значимую для человека *семиосферу* (термин Ю.М. Лотмана [11; 12]), не сразу привело к формированию в её рамках класса вербальных письменных составных знаковых систем – *текстов*. Будучи взяты в своей материальной совокупности и сознательном отражении они образуют особое подмножество (класс или субпространство) семиосферы – *текстосферу*, выполняющую в отношении *психосоциальной действительности (включая политику)* роль своеобразного аналога *генома*. Он сохраняет опыт *прошлого* (обеспечивает ментальную *наследственность*), фиксирует его образцы для *настоящего* (проводит ментальный *естественный отбор*), за счёт материальных изменений и сознательных интерпретационных (ср. мутационных) колебаний задаёт возможные перспективы *будущего* (обеспечивает ментальную *изменчивость*).

Область пересечения текстосферы и *политики* – политического компонента социального уровня психосоциальной действительности, характеризующего дуализм интеракций управляющих и управляемых, власти и общества – образует *политическую текстосферу*, релевантное научное отражение (описание и объяснение) которой призвана осуществлять отдельная политико-семиотическая дисциплина – *политическая текстология* [16; 17].

Функциональная характеристика политической текстосферы

Политические тексты в значительной степени задают генетическую основу локализованной во времени и пространстве конкретно-практической социальной интерпретации фундаментальной структуры политического компонента социального уровня психосоциальной действительности – дуа-

лизма власти и общества, со всеми внутренними субпроцессами, характерными для каждого из его компонентов. Не будет большим преувеличением утверждать, что соотношение политической текстосферы и политики как особой социальной действительности метафорически возможно описать как *«сегодня в газете – а завтра в бюджете, запрете или менталитете, и, с изменениями, снова в газете»*.

Действительно, *во-первых*, именно через политические тексты до общества, чей труд лежит в основе экономического компонента социального уровня психосоциальной действительности, доводится информация о *перспективах распределения* властью приобретенной же обществом прибавочной стоимости, что составляет ресурсный фундамент не только политической, но и любой иной социально значимой активности. *Во-вторых*, именно через политические тексты в обществе устанавливаются *ограничения допустимого социального поведения* как для самих представителей общества, так и для тех, кто им управляет (что характеризует исходную задачу власти по обеспечению безопасности общества за счет нормотворчества, наиболее заметной стороной которого является именно его ограничительный аспект). *В-третьих*, именно политические тексты с наибольшей очевидностью *оказывают влияние на сознание* (менталитет), а, следовательно, и поведение людей как участников политического процесса со всеми их мотивационными, ценностными, идеологическими интенциями в отношении самих себя и других (включая и саму власть, также происходящую из представителей общества, которые, благодаря наличию каких-либо индивидуальных качеств или даже случайному стечению обстоятельств оказались допущены к решению вопросов общественного управления и распределению общественных благ). Наконец, *в-четвёртых*, политические тексты прошлых лет, повлияв через своих реципиентов на ход политического процесса и систематизировав его в определённом, не всегда идеальном, и, как показывает история автократических и тоталитарных государств, иногда даже порочном виде, порождают новые политические тексты, возникающие как ответ на опыт осмысления претворившихся в жизнь политических концептов: и так год за годом, десятилетие за десятилетием, цикл за циклом, до тех пор, пока существует общество и власть, индивид и государство, управляемый и управляющий.

Роль политической текстосферы в генезисе политики

Отмеченные обстоятельства позволяют проводить аналогию *между политической текстосферой и политикой* с одной стороны, и *геномом и живым организмом* с другой. *Во-первых*, геном несёт в себе генетическую информацию, лежащую в основу конкретно-практического строения и

функций живого организма. Политическая текстосфера содержат информацию, лежащую в основе локализованной во времени и пространстве политической системы, отражающей фундаментальную политическую структуру общества – дуализм управляющих и управляемых. *Во-вторых*, геном представляет комплексное объединение множества генов, каждый из которых задаёт структуру и функции определённого белка. Политическая текстосфера представляет объединение множества политических текстов, каждый из которых может ложиться в основу практических форм основанного на них политического взаимодействия. *В-третьих*, состав генома может меняться с течением времени под воздействием мутаций, обусловленных внутренними изменениями или внешними факторами. Состав политической текстосферы также меняется (то есть подвержен *политической изменчивости*) с течением времени: одни актуальные на определённый момент политические тексты устаревают, другие, напротив, могут появиться только в определенных условиях, а третьи претерпевают постоянные изменения, последовательно оттачивая своё содержание. Иными словами, идеи некоторых политических текстов не проходят проверку временем и забываются (проходят *естественный политический отбор*), другие же, напротив, остаются значимым элементом политической наследственности обществ на протяжении веков (то есть задают *политическую наследственность обществ*). *В-четвёртых*, некоторые гены способствуют развитию положительных приспособлений и качеств, а другие ложатся в основу наследственных патологий. Аналогичная ситуация и с политическими текстами: некоторые их положения при деятельном воплощении в жизнь улучшают порядок общественного управления и качество жизни людей, другие же, напротив, ведут к развитию в обществе социальных болезней, патологических отклонений, ведущей иногда к краху государств или даже закату цивилизаций. *В-пятых*, под воздействием различных внешних условий одни и те же гены могут приводить к проявлению находящихся в определённом диапазоне различных внешних биологических характеристик, специфических для конкретного организма (ср. соотношение генотипических и фенотипических характеристик особи). Политические тексты также по-разному воспринимаются разными людьми и в различные эпохи, что может приводить к различным интерпретациям и, соответственно, различным конкретно-практическим результатам претворения в жизнь примерно одних и тех же идей: и далеко не всегда то, что было ещё неприемлемо вчера, не сможет быть воплощено в жизнь завтра. *В-шестых*, в состав генома входит большое количество генов, не имеющих своим результатом развитие каких-либо значимых жизненных структур или функций (так называемая «некодирующая» ДНК, которая, как считается ныне [21], обеспечивает ста-

бильность генома), причём количество функционально отождествленных генов существенно меньше всего объёма генома [20].

В состав политической текстосферы также входит большое (если не сказать подавляющее) количество политических текстов, которые хоть и не имеют после ознакомления с ними читателями никакого практически значимого политического результата, но сохраняют политическую стабильность, постоянство политического дискурса. При этом та малая часть политических текстов, которые действительно влияют на политический процесс (законодательство, идеологические установки правящих партий, приобретающие значения авторитетных суждений концепты ключевых политических лидеров, значимые исторические документы прошлых лет и пр.) меняются редко, надолго задавая рамки политического процесса эпохи.

Изменчивость политической текстосферы: роль меньшинства

Рассмотрение структуры материальной действительности показывает, что мир, по большому счёту, произведен скорее от малого, чем от большого. Найти примеры, когда большое онтологически задаёт структуру малого, вряд ли возможно. Вселенная возникла из одной точки, *материя* как таковая (физическая или первая действительность) имеет своей основной элементарную частицу, *живая материя* (биологическая или вторая действительность) развивается из одной клетки, *живая мыслящая материя* (психосоциальная или третья действительность) начинается с одного нейрона, а в основе психического (индивидуального) уровня психосоциальной (третьей) действительности находится один человек как носитель сознания. На социальном (коллективном) уровне психосоциальной (третьей) действительности, включающем все возможные проявления коммуникационных взаимодействий людей как носителей индивидуальных сознаний, явных исключений из этого правила также нет.

Гомеостатическое поддержание локализованного во времени и пространстве политического компонента социального уровня психосоциальной действительности определяет мотивация общественного большинства. Однако колебания в пределах допустимого коридора возможностей, как, впрочем, и возможный *революционный*, или, в логике аналогии с цитологией, *мутационный прорыв* в новое гомеостатическое состояние, – всё же функция мотивационно-значимой деятельности активного меньшинства: ведь именно его идеи обеспечивают изменчивость политической текстосферы, лежащей в основе генезиса политического процесса. И самые позитивные, и самые негативные социальные изменения могут быть *поддержаны*, но не *инициированы* большинством хотя бы в силу того, что большинство по причине своей дис-

кретности не обладает сознательностью в биолого-психологическом смысле, а, следовательно, лишено свойства *акторности*. Акторами выступают отдельные люди, говорящие *от имени большинства*, народа, человечества, но данное присвоение чужого имени не должно обманывать исследователя. Инициатором социального действия в большей степени является меньшинство, и всегда – конкретный человек, *деятель и мыслитель* в широком смысле этого слова, чьи концепты и формулировки лишь ложатся на благодатную почву подготовленного предшествующим историческим развитием «*общественного сознания*» как дискретной совокупности индивидуальных сознаний живых мыслящих индивидов, носителей некоего индивидуального и социального опыта, вступающего в *информационный резонанс* по результатам *знакового перехода*, и побуждающего людей действовать предложенным им извне образом – что, собственно, и творит саму ткань истории.

Большинство поддерживает, но не иницирует, причём в своей поддержке вполне может ошибаться: и регулярно делает это, подтверждением чему служат наиболее человеконенавистнические формы тоталитарных политических режимов середины XX в. Но происходит это не по злой воле большинства – у большинства, в силу его дискретности, единой воли быть не может. Воля есть лишь у конкретных людей, нашедших пассивную поддержку большинства.

Подобно тому, как болезнь начинается с одной бактерии, так и самые страшные политические режимы начинаются с формулировки одной идеи, причём ответственен за появление её, как следует из принципа авторского индивидуализма, всегда один человек (или малая группа, но никогда – всё общество). Подобно тому, как сильный иммунитет здорового человека лишает бактерию шансов на выживание и размножение, так и общество, состоящее из морально твёрдых, уверенных в себе и свои убеждениях индивидов проигнорирует радикальные и экстремистские идеи, способные угрожать социальному гомеостазису. Напротив, подобно тому, как бактерия угрожает ослабленному человеку, превращая его в носителя своей колонии, так и общество, впавшее в состояние аномии или вышедшее из него недостаточно выздоровевшим, со смешанными ценностными ориентирами и отсутствием моральных авторитетов, легко подпадает под влияние наиболее одиозных, радикальных идей, простота которых избавляет от необходимости выбора более тернистого и сложного, но стратегически более правильного пути. Идеи действительно овладевает массами крайне быстро, а развитие многих из их (в том числе крайне жестоких и сумрачных) в общественных популяциях сдерживаются лишь наличием здорового социального окружения, но это лишь подтверждает исходную мысль: большинство отвечает за гомеостазис, динамика же определяется меньшинством.

Впрочем, любая политическая идея, если рассматривать её как некую мутацию в составе политической текстосферы – генома политической действительности – может нести не только дисфункциональный потенциал, но также предполагать возможность появления положительного приспособления, вносящего свой позитивный вклад в социальный уровень психосоциальной (третьей) действительности. Например, «золотое правило нравственности» и его вариации, наподобие *категорического императива* И. Канта [3]; просветительский концепт *разделения властей* как системы балансирования подчас центробежных политических интенций различных акторов политического процесса [4; 5; 10; 13]; впервые сформулированная ещё в древнекитайской конфуцианской философии идея *обновляемости и сменяемости власти* как отражение общебиологического эволюционного принципа в политическом процессе [6]; концепт *недопущения рабства* и иных форм трудового принуждения [7; 18]; идея естественных и неотчуждаемых *прав человека*, ставшая доминантой политического развития и важнейшей реакцией мира на Вторую мировую и Великую Отечественную войны, как стремление недопущения их повторения [2]; *международное сотрудничество и идея всеобщего мира* [14], ставшая ответом на вызовы не отдельным народам, но человечеству в целом; наконец, идея *ноосферы* В.И. Вернадского [1] как признание взаимообусловленности человека и природы, и ответственности первого не только за себя или свою узкую группу (коллектив или даже нацию), но и за всю Землю. Каждая из этих мыслей изначально имела своего конкретного автора, и хотя не сразу получила всеобщее признание или распространение (а в некоторых обществах и отдельных консервативно-традиционалистских социальных группах некоторые из них рассматриваются в качестве денотативно пустых или даже содержательно вредных сигнификатов), однако эмпирически будет сложно доказать, что не эклектичная, но последовательная имплементация данных концептов не улучшила жизнь обществ, взявших их за основу.

Для политического анализа это означает, что изучение психологии активного меньшинства (будь то психология власти, психология партии или психология любой иной закрытой внутри себя небольшой группы) выраженной в знаково-символьной (*семиотической*) форме – *политических текстах*, особенно в условиях возможного выхода общества за границы гомеостатического баланса, – стратегически перспективнее исследования инертной психологии большинства. Причём, чем более вероятен аномичный сценарий ожидаемой динамики общественного развития, тем более актуален будет данный анализ. Самым ярким примером, подтверждающим это, является роль ленинской «партии нового типа» – изначально малочисленного, но предельно мотивированного социального коллектива, чья идеология

(достаточно чётко сформулированная задолго до 1917 г.), войдя в информационный резонанс со смутными представлениями большинства о должном общественном устройстве изменила не только политическую систему России, но в значительной степени ход мировой истории. Понимание механизма *политико-информационного резонанса* отсутствовало век назад, но и сейчас его конечная формализация пока не осуществлена, что требует разработки новых исследовательских подходов, в первую очередь ориентированных на невовлечённую демоскопию, осуществлять которую в условиях последней информационной революции, появления Интернета и скачкообразного расширения политической текстосферы стало гораздо легче.

Выводы: перспективы

политико-текстологических исследований

1. *Политический текст*, а вслед за ним и *политическая текстосфера* являются непосредственным продуктом (5)¹ системы массового распространения политической информации, входящей в состав (4) политической подсистемы общества, в свою очередь являющейся частью системы (3.2) социального (коллективного, общественного) взаимодействия, возникающей только после появления (3.1) мышления и сознания как основы психической действительности, в свою очередь базирующегося на (2) биологических принципах, являющихся специфическим приложением (1) физических основ материальной действительности в земных (как минимум) условиях.

2. *Политическая текстосфера* или совокупность *политических текстов* как синтаксически упорядоченных и фиксированных множеств семантически значимых элементов, обладающих свойством качественной интерпретируемости, не сводимой к атомарным значениям отдельных семантически значимых элементов, тематически затрагивающих фундаментальный политический дуализм – отношения управляющих и управляемых (или власти и общества) – лежит в основе *генезиса* политического компонента социального уровня психосоциальной (третьей) действительности.

3. Цифровая революция конца XX в. и вовлечение прежде безмолвных масс в политический процесс на правах субъектов формирования общественных позиций изменили не только мировой социально-политический баланс, но также открыли *новые горизонты изучения способов мышления*

¹ Числа в данном абзаце приведены в иллюстративных целях, как инволюционный список, для обозначения порядка соподчинения (взаимозависимости) уровней материальной действительности в порядке следования от более частных (подвергшихся спецификации) к более общим: 5-й уровень (система массового распространения политической информации) не может существовать без 4-го (политическая система), 4-й без 3-его и т. д., вплоть до 1-го (физическая действительность).

людей посредством обращения к их текстам как продуктам содержания присущей им внутренней ментальной активности.

4. Автоматическая обработка массивов общественно-политической информации предоставляет новые возможности для изучения настроений общественных групп, установления политических тенденций, проведения *невовлеченных демоскопических исследований*. Но для своего проведения такие исследования требуют наличия *строгой методологии анализа*, разработка которой должна вестись не стохастически – в рамках семиологии, математической лингвистики, теории информации или классической текстологии – но централизованно: в рамках специального междисциплинарного направления политико-семиотических научных исследований – *политической текстологии*, выступающей не в качестве узкой историко-политической дисциплины, но как *системы научных знаний о политических текстах вообще* [16]. Таким образом, наиболее перспективным с точки зрения социальных наук выступает возвращение *текстологии* к своему исходному логико-семиотическому пониманию в качестве *учения о тексте в его тотальности*, в свою очередь, разделяющемуся на: историю текста (филологическую или классическую текстологию как род литературоведения и исторической науки [8; 9]); теорию текстовой коммуникации [15]; теорию информации [19]; семиологию текста (синтаксис, семантику, прагматику текста); субпространственные подразделы текстологии, фиксирующие специфические особенности текстов различных стилей (текстология политического текста, текстология научного текста, текстология художественного текста, текстология разговорного текста и пр.).

В этом контексте *политическая текстология* как новое междисциплинарное направление исследований политической текстосферы призвана обогатить политическую науку новыми точными инструментами для проведения содержательно-концептуального и демоскопического математико-лингвистического анализа (автореферирование и аннотирование, классификация, построение семиотических графов, тренд-анализ и пр.).

Литература:

1. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2007. С. 470–482.
2. Всеобщая декларация прав человека // ООН: [сайт] [Электронный ресурс]. URL: http://un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 10.05.2015).
3. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965. С. 211–310.
4. Конституция РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.kremlin.ru> (дата обращения: 10.05.2015).

5. Конституция США // История США. Хрестоматия / Сост. Э.А. Иванян. М.: Дрофа, 2005. С. 34–47.
6. *Конфуций*. Изречения. М.: СГУ, 2001. 157 с.
7. *Линкольн А.* Прокламация об освобождении негров // История США. Хрестоматия / Сост. Э.А. Иванян. М.: Дрофа, 2005. С. 102–104.
8. *Лихачев Д.С.* Текстология: краткий очерк. М.: Наука, 2006. 174 с.
9. *Лихачев Д.С.* Текстология: На материале русской литературы X–XVII вв. М.-Л., Изд-во АН СССР. 1962. 605 с.
10. *Локк Дж.* Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 137–405.
11. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: Искусство, 2001. 703 с.
12. *Лотман Ю.М.* О семиосфере // *Лотман Ю. М.* Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллин: Александра, 1993. С. 11–24.
13. *Монтескье Ш.Л.* О духе законов // Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М. Госполитиздат, 1955. С. 159–733.
14. *Ни В.А.* Вечный мир: введение в историю идеи. М.: СПМ, 2002. 135 с.
15. *Почепцов Г.Г.* Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, 2001. 656 с.
16. Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: круглый стол / Андерсон К.М., Бойцова О.Ю., Вархотова В.А., Волошин А.И., Гуроров В.А., Ермашов Д.В., Зоткин А.А., Козиков И.А., Мартыненко Н.П., Мырикова А.В., Перевезенцев С.В., Прокудин Б.А., Сетов Н.Р., Сорокопудова О.Е., Чанышев А.А., Ширинянц А.А. // SCHOLA 2013 Материалы международной научной конференции «Политика в текстах – тексты в политике: наука истории идей и учений». М.: ЦСК, 2013. С. 341–357.
17. Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: материалы круглого стола / Андерсон К. М., Артамонова Ю.Д., Бойцова О.Ю., Вархотова В.А., Гуроров В. А., Ермашов Д.В., Зоткин А.А., Козиков И.А., Котов Б.С., Мартыненко Н.П., Мырикова А.В., Перевезенцев С.В., Прокудин Б.А., Сетов Н.Р., Пучнина О.Е., Чанышев А.А., Ширинянц А.А. // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 4. С. 110–136.
18. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 7. Документы крестьянской реформы. М.: Юридическая литература, 1989. 431 с.
19. *Шеннон К.* Математическая теория связи // Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Ин. литература, 1963. С. 243 – 332.
20. *Ohno S.* So much „junk” DNA in our genome // *Evolution of Genetic Systems / Smith H. H (editor)*. New York: Gordon & Breach, 1972. P. 366–370.
21. *Pennisi E.* ENCODE project writes eulogy for junk DNA // *Science*. 2012. September 337(6099). P. 1159–1161.